

ное население привыкало к ним с трудом. Повсеместное бытование они получили лишь в колхозный период. Косы-горбуши сохранились у населения в большом количестве до наших дней, хотя ими не пользовались.

В каждом хозяйстве держали крупный и мелкий рогатый скот, лошадей. Широкая пойма р. Яйва, подступающая во многих местах к деревням, способствовала развитию животноводства. Домашний скот был не только источником пищи, одежды, тягловой силы, его держали и для получения навоза.

Крестьяне активно занимались охотой. Охотничьи угодья находились не только вблизи деревень. Артели охотников уходили за 40-60 км в горы, а иногда и за Урал. На территории охотничьего становья находились деревянные избушки и кладовые-*чамы* (на одном или четырех столбах) для хранения добычи.

Старики помнили, как охотились ловушками – *плашками*, *слотцами* и петлями. Когда лоси перекочевывали, охотились с использованием ям. Их выкапывали на тропах, на дне забивали колья, а сверху закрывали ветками. В начале XX в. широко применялись ружья. Добывали дичь, пушных зверей, лосей. На медведя охотились исключительно редко. Его убивали из-за хищнических повадок. Мясо зверя никогда не ели. Признавали его вредным из-за того, что медведь имел когти. Но за этим запретом скрываются представления, идущие от почитания медведя тотемом рода.

Наряду с охотой важную роль в хозяйстве выполняло рыболовство. Им больше занимались в верховьях Яйвы. Ловили рыбу сетями, зимой в реке ставили заграждения – *еза с мордой*. По рекам передвигались на долбленых осиновых лодках. Участникам экспедиций приходилось видеть такие лодки в с.Верх-Яйва и деревнях Сим и Замельничная.

Значительный заработок крестьяне имели от заготовки леса и дров. Плоты сплавляли до солеварен и заводов, расположенных по Каме. Старожилы вспоминали лесопромышленников Максимовых, Башениных, Корешовых, Бердинского, которые вели заготовку леса по р. Яйва.

В свободное от работы время часть мужского населения уходила на заработки,

чаще всего на соляные варницы. Большая дорога, проходившая через верховья Яйвы, позволяла многим крестьянам промышлять извозом. Тем самым они имели существенное дополнение к своему доходу от земледелия и промыслов.

Планировка поселений

При знакомстве с сельскими поселениями прежде всего бросается в глаза подчинение их композиции природной среде и повседневной жизни человека. Многочисленные примеры убеждают в том, что обе они выступали равноценными составляющими бытия крестьян.

Для поселений, возникших по притокам р.Глухая Вильва, характерна древняя рядовая застройка. В д.Низовая 75 усадеб располагались вдоль реки, по южной окраине поля, и фасадами были обращены к воде. Перед фасадами домов, вдоль реки, стояли амбары, бани. Позднее появился второй ряд усадеб, в котором жилые дома, как и в первом ряду, были обращены фасадами к реке и на юг. В д.Пешково все 25 усадеб размещались в одном ряду и фасадами на юг, к р. Малый Сим. С трех сторон – северной, западной и восточной – деревню окружали поля. Примеры эти показывают, что река и ориентация по солнцу были главными факторами, влияющими на формирование облика деревни.

Планировка д.Полом – уличная, но не прямая, а повторяющая очертание оврага. Эту форму деревня приобрела в начале XX в., когда ее перепланировали. Деревня расположилась на водоразделе, вдали от реки, поэтому ее улица имела двустороннюю застройку. Рядом находилась д.Проници, в которой 15 усадеб образовали три параллельных ряда, а дома были обращены к лесу и на южную сторону, а не на поля. Эта группа деревень имела общественный центр со школой, интернатом, почтой, сельсоветом и деревянной церковью.

Изучение планировки д.Долгая позволило выявить такие особенности. По середине деревни протекала небольшая река, и создавалось впечатление, что здесь не одна, а две деревни. На левом высоком берегу усадьбы располагались вдоль улицы, причем в крайнем от реки ряду дома фасадами были обращены на южную сторону, к внутренней части деревни, а во втором – на

юго-восток и в противоположную центру сторону. Поэтому уличная планировка не получила в этой деревне завершенной формы. На улицу с одной стороны выходили фасады домов, поставленных по прямой линии, а с другой – дома своей боковой стороной и дворы. Все жители левобережной части деревни имели одну фамилию – Бычины. На правом берегу усадьбы располагаются в один ряд. Они были однотипны и дома фасадами были обращены к реке и на южную сторону. У здешних жителей также одна фамилия – Гилевы.

По месту расположения на юго-восточном склоне Симского камня получила название д.Камень. Весь юго-западный склон распахан, и пашни имеют большие размеры. Восемь усадеб находились на одной улице. В ее восточной стороне проживали одни Митраковы, а в западной – Собянины, что связано с расселением родственников. В полях у деревни было два кладбища, ниже и выше деревни. На них хоронили умерших по родственной принадлежности.

Примером традиционной застройки служит д.Сим. В ней все свидетельствует о неприятии каких-либо геометрических форм и подчинении природной основе. Усадьбы сгруппированы по двум центрам, поэтому жители считают, что существуют две деревни: Большой Сим – из 14 усадеб и Малый Сим – из 9. Место для деревни выбрано очень умело: усадьбы поставлены на южном склоне у полей, защищены от господствующих северных ветров, лицевой стороной обращены к рекам Сим и Мекшор и на солнечную сторону.

Планировка деревни – типичная, беспорядочная. В Малом Симе имеется г-образная проезжая улица, а в Большом Симе улицы в привычном представлении нет совсем. Дорога от Малого Сима подходила к домам Большого Сима, но в деревне не пролегалла. Когда работала экспедиция, Большой Сим был весь в зелени. При каждой усадьбе имелся небольшой пахотный участок земли, который вместе с прилегающей к дому территорией огораживался жердями. Не только расположение домов, но и разнообразные ограждения, отдельно стоящие амбары, погреба, бани придавали беспорядочность всей застройке поселения,

которое является ярким примером существовавших в прошлом деревень.

Удачно было выбрано место для общественного центра с молитвенным домом и звонницей в виде четырех столбов под крышей. Культовые постройки разместились между Большим и Малым Симом. В Большом Симе на р.Мекшор стояла водяная – колесчатая, наливная – мельница. Ее пруд придавал живописный вид всему поселению.

По словам информаторов, старой деревней является Малый Сим. Первый дом здесь стоял около кедра на мысу. Его построил Сергей Митраков, у которого был сын Семен, а у Семена – сыновья Артем и Афанасий. По этим же сведениям существовало еще поселение в устье Мекшора, причем по времени возникновения более раннее, чем Большой Сим. В устье Мекшора первым поселился Архип Семенович с братом, скрываясь от призыва на длительную военную службу при императоре Николае I. В Большом Симе первым поселился Денис Ваньков из д. Бычина на р. Язьва. У него был сын Иван, а у Ивана – тоже сын Иван. Потомку первопоселенца Ивану Ивановичу Ванькову в 1977 г. шел 88-й год. С ним неоднократно беседовали участники экспедиции.

Таким образом, в планировке деревень по р.Глухая Вильва обнаруживаются общие закономерности. Ими являются рядовая и беспорядочная планировка, ориентация фасадов по солнцу и реке, расположение поселения на южном склоне у полей. Уличная планировка в ее начальном варианте представлена в д.Долгая. Все это свидетельствует о том, что удаленность и замкнутость изучаемого региона способствовали длительному сохранению архаических черт в застройке деревень, которые, как известно по результатам многих исследований, являлись типичными для всего Европейского Севера. Преобладание рядовой застройки, возможно, было связано со значительным развитием земледелия, ибо эта форма поселения могла обеспечивать удобную вывозку навоза на поля, перевозку снопов и др.

* * *

Еще один северный вариант организации поселений отмечен на верхней Яйве.

Здесь все ранние поселения тяготели к реке и Бабиновской дороге, но поселения, возникшие во второй половине XIX в., располагались уже на водоразделах, как говорили старожилы, *на суходоле*.

Планировка с.Верхняя Яйва складывалась стихийно, но с полным подчинением рельефу. Село вытянулось более чем на километр по правому ровному берегу р.Яйва. Его не подвергли перепланировке в конце XIX в. по причине заболоченности окружающей местности. Поэтому в застройке села наблюдается немало архаических черт.

Старожилы помнили, что первые дома размещались на берегу Яйвы. Возле домов в начале XX в. один из жителей прокопал рукав, и по нему направил воду из р.Яйвы для новой мельницы. Со временем вода размывла рукав, он достиг ширины 10-15 метров, и первоначальное местоположение села осталось в стороне, на острове.

Форма планировки села позволяет судить об истории его развития. Значительная часть села имеет рядовую застройку, но не прямолинейную, а соответствующую плавному изгибу линии берега и рельефу. Природные условия – высокие отметки берега – определили группировку домов.

Центральная часть села с Введенской деревянной церковью, построенной в 1856 г. на месте более древней, начала XVII в., называется *Верхохоньем*, а нижняя – *Заселихой*. Интересно, что Заселиха имеет два порядка домов и у ее жителей распространена фамилия Пенягин (она указывает на то, что их предки – выходцы с р. Пиньги, с Архангельского севера).

Северная часть села застроена в начале XX в. с соблюдением тех же планировочных приемов, которые характерны для центральной верхней и нижней части. На ровной площади перед горой вытянулся ряд домов, ориентированных на южную сторону и церковь. Площадь перед этим рядом домов называется *Сибирской улицей*. Возможно, такое название она получила по причине удаленности от основной части села. Когда появились здесь дома, жителям показалось, что до них идти далеко, как и до Сибири, в которую вела Бабиновская дорога.

Старожилы вспоминали, что при въезде в село стоял столб с иконой. От этого столба проезжали не по нынешней ос-

новной улице, а прямо на старое место села и оттуда направлялись за реку.

Выходцы из с.Верх-Яйва основали две близлежащие деревни – Ерзовку и Замельничную.

В д.Ерзовка усадьбы расположены на высоком правом берегу Яйвы и растянулись почти на километр. Первый ряд домов цельный, дома лицевой стороной направлены на реку и на восток. Во втором ряду целостную композицию нарушают овраги. Это еще один показатель того, какую важную роль в облике сельского поселения играли природные объекты.

Во втором, крайнем от реки, ряду усадьбы группируются между оврагами на возвышенных местах, которые называются *увалами*, *угорами*. Они получили наименование по фамилиям жителей: Федотовский, Байбаковский, Васевский увалы (угоры), и самый верхний – по месту нахождения: Верх-Ерзовский увал (угор).

Кроме того, деревня делилась на три части – Верхнюю Ерзовку (ее называли еще Егуркиной), Нижнюю Ерзовку и Среднюю Ерзовку. Поэтому часто от старожилов приходилось слышать название деревни не Ерзовка, а Ерзовки. Нижняя Ерзовка считается старожилами более древней.

Возле центральной группы домов, в полях, стояла деревянная часовня, построенная на рубеже XIX и XX вв. С противоположной реке стороны д.Ерзовка окружена полями, с которых открывается панорама всей деревни и округи. Украшает деревню роща из 70-80 кедров.

Усадьбы в д.Замельничная группировались возле мельницы и пруда на р.Замельничная. Планировка подчинялась направлению реки и сохраняла компактную форму с ориентацией домов одновременно и на реку, и на солнечную сторону.

К моменту этнографического обследования верхней Яйвы существовала самая отдаленная из деревень – д.Гашково, расположенная выше по реке, в 15 км от с.Верх-Яйва. Во время экспедиции в ней проживало только два одиноких старика. Почти у всех жителей деревни была одна фамилия – Васевы. Деревня состояла из двух частей – нижней, занимающей ровный берег, и верхней, находящейся на горе. Выше и ниже деревни есть возвышенности, поросшие лесом. Поля находятся вдали от

реки, в гарях. Планировка деревни рядовая. В центре и южной ее части усадьбы стоят рядами параллельно р.Яйва, фасадами они обращены на реку, а в верхней, восточной, части дома построены перпендикулярно р.Яйва, и их фасады обращены на юго-восток. В начале XX в. плотниками из д.Селенка Соликамского уезда на полях была построена деревянная часовня.

Основой выбора места для д.Камень послужил ровный берег р.Яйвы и южный склон высокой горы. Несмотря на такой рельеф, все усадьбы расположились рядами параллельно реке. Центром деревни стала деревянная церковь, воздвигнутая на крутом склоне у дороги, спускающейся к реке. Одна часть усадеб находится на берегу, а вторая – на высоком южном склоне горы-камня. Фасадами усадьбы обращены на юг, к реке.

Самые старые постройки д.Камень расположены на берегу реки. Раньше деревню называли Селище, но по предложению местного священника ее стали именовать Камень. Обращает на себя внимание разнообразие фамильного состава жителей, подобного которому нет в других деревнях. Он вызван тем, что жители д. Камень были владельческими, принадлежали княгине Бутеро и князю Лазареву. Об этом вспоминали многие жители, они же и отмечали, что д. Камень постоянно пополняли переселенцы с нижней Яйвы.

Примером поселений, в которых просматриваются все характерные элементы застройки, могут служить деревни, расположенные по левому берегу р.Яйва. От берега они удалены на 1-1,5 км в связи с заболоченностью местности.

После переправы через р. Яйва по Бабиновской дороге на расстоянии 2 км от реки находится первая деревня – Махнево. Планировка деревни сложилась в особых условиях: через нее прошла Бабиновская дорога, и усадьбы ставились по обеим сторонам дороги в направлении с запада на восток. Фасадами дома обращены на проезжую часть, и поэтому вся деревня имеет настоящую уличную планировку. Даже деревянная часовня стоит в одном ряду с жилыми домами. Отметим, что д.Махнево является единственным поселением уличной формы на верхней Яйве.

В 300 м от д.Махнево расположены деревни Шубино и Гари. Через них не проходила Бабиновская дорога, и поэтому планировка здесь совсем иная, чем в д.Махнево. В д.Шубино она беспорядочна, с обособленными группами домов, каждая из которых имеет свое название. В центре деревни находится родник, окруженный высокими хвойными деревьями. Большинство усадеб фасадами обращено на юг, восток, запад. Деревня Гари имеет смешанную планировку: в центре – уличную, а на окраине – беспорядочную.

В момент посещения этнографами д.Коченгино в ней никто не проживал. Деревня была известна по сохранившимся домам потомков Артемия Бабинова. Она находилась в 2 км на север от д. Шубино. Старое название д.Коченгино – Калиничичи – говорит о том, что первыми в ней поселились люди рода, основанного Калиной.

Застройка д.Коченгино выглядела компактной: в низине, у небольшой реки, усадьбы были расположены рядами параллельно реке. Несмотря на то что оба склона, спускающиеся к реке, были пригодны для застройки, деревня занимала один южный склон. Высокая гора прикрывала деревню от холодных ветров. Все это свидетельствовало о стремлении рационально использовать местность. Композиционным элементом д.Коченгино была деревянная часовня, стоявшая в центре южного склона. Через деревню пролегла дорога в соседнюю д.Осинники, но на дорогу выходили фасадами только три дома, самые крайние.

По дороге от д.Коченгино до д.Осинники было 2 км. В ней усадьбы стояли по берегам небольшой р.Осинники – в три ряда в северо-восточной части по правому берегу и в один ряд по левому берегу. Рядовая застройка определила протяженную горизонтальную композицию деревни с четким направлением усадеб, соответствующим направлению реки. Но южный, верхний, конец деревни застроен беспорядочно. Все усадьбы ориентированы на юг и одновременно в большинстве своем на реку.

Итак, на основании приведенного материала можно сделать вывод, что поселениям, расположенным по притокам р.Глухая Вильва и по верхней Яйве, свойственна севернорусская пространственная

организация. Она выражалась в преобладании рядовой и беспорядочной застройки, часто встречающейся ориентации домов на реку и солнечную сторону, укрытии поселений от холодных ветров, наличии композиционного центра (церкви, часовни, молитвенного дома). Следует признать, что природные условия были успешно использованы при строительстве как в функциональном, так и в художественном плане.

Жилые и хозяйственные постройки

В северо-восточном Прикамье распространена была срубная техника, чаша-обло выбиралась в бревне сверху, а паз – снизу. Теплые хлева возводились с применением техники более архаичной – *заплетней*.

Во всех обследованных поселениях, находящихся как по верхним притокам Глухой Вильвы, так и по верхней Яйве, преобладал характерный для конца XIX – начала XX в. трехкамерный тип усадьбы. Его отличало наличие двух изб и сеней между ними. Такое жилище соединялось с двором по типу двухрядной связи.

Для сооружения усадебного комплекса рационально использовался рельеф местности. Жилище ставилось вдоль склона и реки, сзади вплотную примыкал массивный двухэтажный двор, несколько уходящий в землю. С нагорной стороны устраивался бревенчатый наклонный настил – *взвоз* – для въезда на верхний ярус – *повить* – двора. Жилые избы возводились на подклети, поэтому с фасадной стороны находилось высокое крыльцо. Крыльцо сооружалось двух типов: на ряжах с прямым спуском или на столбах с обязательным расположением лестницы вдоль стены.

В старых избах больше сохранялось архаических конструктивных элементов: самцовые (безгвоздевые) крыши, бревенчатый потолок, спуск в подклет – *голбец* – у печи со стороны входной двери, отдельный вход в подклет с улицы через особую дверь. Устройство поздних построек имело другие признаки: стропильные крыши, большие окна, вход в голбец за печкой, низкий подклет. У жилых изб крыши были двухскатными, и только у самых поздних построек появлялись четырехскатные стропильные крыши. Новыми признаками в большей степени обладало жилище верхней Яйвы.

На дворах крыши повсюду двухскатные, с князьком, установленным параллельно жилым избам. Фронтоны дворов обычно широкие, с массивными столбами, в пазах которых закреплялись концы бревен, горизонтально уложенные в сруб (деревни Сим, Проницы, Камень). Иногда же вертикальное бревно встраивалось для крепления лишь одного фронтона, а не стены.

На многих самцовых крышах сохранились скульптурно оформленные крюки – *курицы*, но охлупных бревен участники экспедиций нигде не обнаружили. Для коллекции Соликамского краеведческого музея были приобретены две курицы с домов в д. Низовая. Самые выразительные курицы были обнаружены в д. Сим. Крыши на дворах, амбарах здесь исключительно самцовые, а на банях они другого типа: плоские (на один скат) и на два ската с князьковым бревном, опирающимся на бревенчатую клетку. В том и другом случае фронтоны открытые.

В поселениях по р. Глухая Вильва зафиксирован древний тип жилого дома. Он трехкамерный, но не со второй избой, а с хозяйственной клетью на погребе, поставленной вплотную к сеням. Весьма примечательно, что в 1970-е гг. в д. Полом сохранялось в одном ряду десять таких домов. Клеть по сравнению с жилой избой обычно имела меньшие размеры, вход в погреб устраивался с улицы, т. е. с фасадной стороны. Дома такой конструкции были широко распространены в Северном Прикамье не позднее конца XVI – начала XVII в. Поэтому существование их здесь (что известно и по устной информации старожилов, и по сохранившимся постройкам) еще раз доказывает, что изучаемый регион сохранил многие архаические черты русской строительной культуры.

Внутренняя планировка изб во всех обследованных поселениях оставалась севернорусского варианта. Основу интерьера составляла глинобитная печь, закрепленная деревянной рамой (*опечком*). Красный угол размещался по диагонали от печи. Обустраивалась изба исключительно встроенной мебелью: ниже окон – лавками, над окнами – полками (*полицами*), над входной дверью – *полатями*, на кухне – шкафом (*залавком*) и полками (*брусьями*), отделяющими кухню от переднего угла, возле входной

двери и печи – шкафом (*голбцем*), внутри которого размещалась лестница для спуска в подклет (*голбец*).

Много ценного материала для изучения типов построек крестьян, проживавших в деревнях по р. Глухая Вильва, дают две усадьбы в д. Сим.

Жилой дом И.И. Ванькова представляет собой трехкамерную связь, поставленную вдоль склона и обращенную к р. Мекшор. С нагорной стороны к ней вплотную примыкает двухъярусный двор с взвозом. Наиболее старой является восточная изба. Она рублена топором. По словам хозяина дома, сруб избы привезли из д. Камень (эта деревня признается намного старше д. Сим), где он простоял лет 10. Вторая (западная) изба новая, срублена в 1920-е гг. самим И.И. Ваньковым. До ее возведения жилище было двухкамерным – варианта изба+сени. Под новой избой имеется высокий подклет, в который устроены два входа – с улицы и из избы. Трехкамерная связь перекрыта двухскатной крышей, на старой избе – самцовой конструкции, а на новой – стропильной.

Важной частью постройки является крыльцо. Традиция устройства крыльца на столбах уходит в глубокую древность. Так как фасад дома выходит к нижней части склона, то, естественно, необходимо было воздвигнуть высокое крыльцо. И. И. Ваньков построил высокое крыльцо на четырех столбах – по два у стены и с внешней стороны. Площадка – *рундук* – над полом крыльца с двух сторон прикрыта полубревенчатými пластинами. С внешней стороны, т. е. напротив входной двери в сени, полубревна укреплены не сплошь, а с интервалом между четвертым и пятым рядами до полуметра. Благодаря этому появилось пространство для обозрения с крыльца местности. Вход на крыльцо был открытым, лестница располагалась вдоль стены.

Крыльцо, которое мы описываем, соответствует той характеристике, которую дал И.В. Маковецкий: «Мы не обнаружили в крыльцах селения Сима какой бы то ни было художественной обработки конструктивных элементов. Разнообразие внешнего облика срубов крылец, степень их архитектурной выразительности в каждом отдельном случае достигались пропорциями и размерами сруба, характером прямого или

криволинейного завершения дверного проема, прямолинейной или полуциркулярной формой окон»¹⁹.

Вторая усадьба принадлежала А.К. Митраковой. Она так же, как и первая, состояла из трехкамерной связи с двумя жилыми избами и вплотную примыкавшим двухэтажным двором. Избы и двор имели отдельные двускатные крыши. Фасад дома ориентирован на юг, на реку, в противоположную сторону от проезжей дороги и основной части деревни, что характерно для беспорядочной застройки. Жилище типично в плане его эволюции. Западная изба старая, построена в 1880-е гг. На ней крыша самцовая с крюками-*курицами* и выступающими на торце сруба двумя верхними бревнами, образующими кронштейны-*повалы*. Повалы расширяют опору для кровли. Благодаря этому фасад крыши выступает далеко от сруба и защищает его стену от атмосферных осадков. Восточная изба имеет новые конструктивные элементы – стропильную крышу, большие окна. Она была построена в 1920-е гг. Крыльцо на фасадной стороне возведено на срубном основании, его верх забран с двух сторон досками. Спуск с крыльца находится вдоль стены, открытой стороной оно обращено на восток.

В каждой избе традиционное расположение окон – по два на боковой и передней стене. Внутренняя планировка изб – севернорусского варианта, вместе с тем они различаются. В старой избе русская печь стоит в углу и попасть в подвал-*голбец* можно через западную со стороны входа. В новой избе печь выдвинута из угла и вход в подвал сделан за печкой. Таким образом, в одной усадьбе можно проследить эволюцию интерьера.

Впечатляюще выглядит двор усадьбы. Он стоит параллельно жилому дому. Длина его значительно больше дома – 17 м, а ширина – 9. Перекрыт двор двускатной самцовой крышей, на которой сохранилось много тесаных топором досок – *тесин* и крюков – *куриц*. В середине фронтонов под *князек* крыши подведены толстые столбы с пазами для удержания венцов сруба и фронтона.

В двух стенах двора, перпендикулярно примыкающих к дому, имеются широкие ворота. Теплые хлева находятся в дальней от жилого дома части двора и состав-

ляют первый этаж. Помещение над ними называется *поветью* и используется для хранения сена и некоторых хозяйственных вещей. На поветь можно захватить с возом сена по специальному взвозу.

Перед жилищем стоят в один ряд амбар и погреб. Они с повалами, обращенными к домам, и под двускатными крышами. К северо-востоку от двора находятся колодец и баня. Усадьба с прилегающей пахотной и сенокосной землей окружена изгородью из жердей. Весь комплекс усадьбы выглядит монументальным сооружением, на него затрачено много леса.

Таким образом, обе усадьбы д.Сим отражают традиции и новации в строительной культуре и особенности севернорусского жилища.

Усадьбы верхней Яйвы подверглись изменению в большей степени, чем в деревнях по р.Глухая Вильва. Объясняется это прежде всего тем, что крестьянам верхней Яйвы приходилось вести более развитое хозяйство, заниматься извозом, а некоторым и торговлей, поскольку здесь проходила дорога из Соликамска в Верхотурье.

В трехкамерном связевом жилище замена клетки второй жилой избой произошла значительно раньше на верхней Яйве, чем в селениях по р.Глухая Вильва. Об этом свидетельствуют два примера: старожилы верхней Яйвы в возрасте свыше 80 лет смутно помнили о клетке, и уже в 1880-е гг. в деревнях было немало усадеб с двумя избами. Вход в дом оформлялся крыльцом на бревенчатом основании, а не на столбах.

В деревнях верхней Яйвы рано начали заменять курные (черные) избы на белые. В поздних избах кухня – *куть* – отделялась от переднего угла избы дощаной стенкой – *заборкой*. Полки на кухне повсюду были уже не брусчатыми, а дощаными, причем они закрывались сверху доской. В обстановку избы входили двухподставные шкафы. В поздних избах такие шкафы со стеклянным верхом помещали прямо в заборке, и лицевой стороной они были обращены к переднему углу. В ранних избах шкафы стояли вдоль стены на кухне, а иногда возле печи, ниже стыка грядки и полатного бруса. Встроенным шкафом было удобно пользоваться, так как он находился рядом с шестком печи. Внешняя боковая стенка такого шкафа делалась из толстого

бруса, и она одновременно могла служить опорой полатному брусу и верхнему *гольцу* – *лежанке* над западной. Наиболее типичные образцы такого интерьера этнографы обнаружили в деревнях Замельничная, Ерзовка, Коченгино, Гашково.

В деревнях по рекам Глухая Вильва и Яйва с середины XIX в. началось украшение интерьеров изб росписью масляными красками. Расписывали пришлые мастера печки, полатные брусья, грядки, дверные косяки, перегородки. Больше всего сохранилось подобных интерьеров в деревнях Низовая, Замельничная, Гашково, Коченгино, Гари. Их домовая роспись близка к севернорусскому варианту. Старожилы рассказывали, что раньше было больше домов с росписью, но они не сохранились.

Роспись в интерьере была неразрывно связана с архитектурой жилища. Расписывали самые видные места – припечные доски, залавки, полки, шкафы, полатные брусья. Самые полные интерьеры обнаружены в деревнях Замельничная, Гашково и Коченгино.

Одежда, головные уборы и обувь

Народный костюм помимо своего основного назначения – защищать человека от воздействия окружающей среды – димел иную функцию: отражал материальную жизнь народа, его историю и этническую специфику. Особенность народного костюма русских северо-восточного Прикамья заключалась в том, что основные типы его были чрезвычайно устойчивы. Здесь до начала XX в. широко бытовал косоклинный сарафан – *дубас*, который шили из домотканого холста, окрашенного в синий цвет, или из набивных тканей. В с.Верх-Яйва была синильная мастерская В.А.Пенягина, в которую крестьяне отдавали холсты для крашения и набивки узора.

Старожилы помнили, как приходилось применять природные красители для получения узорного холста и шерсти. Холст красили ивовой корой – *дубом*, а шерсть – травой *зеленицей* (кору и траву сушили, толкли, и из них делали отвар). В красный цвет окрашивали корнем *краснокорейки* (его сушили, толкли, ткань или пряжу погружали в отвар и парили в русской печи). Среди традиций, связанных с шитьем одежды, распространение имел

обычай использовать светлые и яркие ткани.

На рубеже XIX и XX вв. распространяются фабричные ткани, особенно широко в деревнях верхней Яйвы. В конце XIX в. носили прямой сарафан, но вскоре сарафанный комплекс вытесняется юбкой и кофтой. Вначале эти изменения коснулись верхней Яйвы. Здесь женщины в возрасте 80 лет и старше не только не носили сарафана, но и редко видели его на своих матерях и бабушках. Сарафан задержался только у старообрядцев, проживавших в деревнях по р. Глухая Вильва, им он был необходим для моленных служб.

В сарафанный комплекс входила рубаха, чаще туникообразная, нижняя часть которой называлась *становиной*, а верхняя – *рукавами*. Юбки бытовали двух видов – холщовые из пестряди и из специально сотканной шерстяной полосатой ткани – *сукманки*. Оборка на юбке, чаще косая, является поздним элементом. Каких-либо существенных различий в одежде замужних женщин и девушек не было, она шилась лишь из материала, разного по качеству, расцветке и отделке. Мужская нательная одежда состояла из холщовой клетчатой рубахи, холщовых *кежевых* (*кеж* – название ткани в мелкую полоску) штанов с широким шагом.

Верхняя женская и мужская одежда во многом была схожа, разница касалась размеров и незначительных деталей покроя. Зимой носили шубы, *понитки*, *зипуны*. Шубы редко покрывались тканью. Зипуны шили из холста, покрашенного в синий цвет. Их носили в прохладное время (осенью, весной). Зимой надевали понитки. Их шили из специально сотканной ткани, в которой основа была льняной, а уток шерстяной. Во всех обследованных деревнях носили *бешмет* (*бешметь*), который надевали в дорогу поверх шубы или понитка.

Русское население верхней Яйвы знало *шабур* – холщовый кафтан, но своей одеждой его не считало. Шабур, как отмечали старожилы, носили коми-пермяки в деревнях Исанка и Степановна.

Постоянной верхней рабочей одеждой как мужчин, так и женщин был холщовый синего цвета *запон* – глухого покроя, без застежек. Охотники носили общеизвестный в лесной таежной зоне Европейского Севера

лузан. Типичный для этих мест лузан был приобретен в д. Замельничная. Во внутренней передней части его сохранился талисман – символ удачной охоты. Внутри лузана были зашиты когти куницы и капсуль. Кроме того, на охоту надевали и *зуню* – суконный короткий пониток, покрытый холстом. Его подвязывали кушаком или ремнем.

От информаторов получены сведения о погребальной одежде. На умерших надевали длинную рубаху, поверх ее – саван, на ноги – чулки, на голову замужней женщине обязательно кокошник, или *моршень*.

Головными уборами женщин были кокошники, поверх которых носили платки. Девичьим убором была головная повязка. В начале XX в. кокошники вышли из употребления, старшее поколение, родившееся в конце XIX – начале XX в., их уже почти не помнит. Они долго сохранялись у коми-пермяцких женщин в деревнях Исанка и Степановка. Кокошник был головным убором замужней женщины. Позднее его заменили моршнем, который старшее поколение носило в 1970-е гг. Иногда моршень называется *сборником*. Кокошники, моршни (*сборники*) надевали в день свадьбы, и их женщины носили постоянно до самой смерти. В деревнях по р. Глухая Вильва бытовал особый тип сборника – *сорочка*. У нее сзади *вздежка* была не круглой, а удлиненной и со складками, поэтому она напоминала хвост птицы. Дольше кокошники сохранялись в северной зоне региона, тяготеющей к коми-язьвинцам. Кстати, женщины в деревнях верхней Язвы их носили еще в 1930–1940-е гг. В сильные морозы женщины надевали шерстяные домотканые шали. Мужскими головными уборами были валяные колпаки и шапки ушанки из овчины.

Лаптей русское население северных деревень не носило. Но они были известны русским, так как без них не обходились коми-пермяки деревень Исанка и Степановка. Обувь составляли кожаные *бахилы*, *бродни* с высокими голенищами, *коты с опушками*, сапоги, *уледи*, валенки. Коты носили лишь женщины, причем еще в 1970-е гг. Уледи надевали мужчины исключительно на охоту. Но в начале XX в. они уже вышли из употребления. На ногах носили шерстяные вязаные чулки, а на руках – рукавицы – ис-

подки. В раннее время, по словам информаторов, бытовали чулки и рукавицы с узорами.

В комплекс народного костюма входили пояса: кушаки, тельники и покромки. Здесь повсеместно бытовали кушаки полосатые, ими мужчины подвязывали понитки, шубы, гуни, зипуны. Дубасы (сарафаны) подвязывали покромками, а мужские рубашки – тельниками. Жители деревень считали, что пояса перестали носить в 1950-е гг. Ткали пояса на *бердечках*, а покромки на *топках*. Дольше русских узорные пояса носили коми-пермяки деревень Исанка и Степановка.

С поясом было связано много примет. Новорожденному через три дня после крещения обязательно надевали пояс на рубашку. Без пояса женщины не молились. Во время свадьбы невеста обязательно дарила пояса родным и близким.

Повсеместно ткали на станке одного типа – *кроснах* с задней *навоей*. Станины – *понебники* – вырезались цельными из ствола ели и корневища – *копани*, а навоя – из березы с утолщениями на концах в виде дисков. В деревнях по верхней Яйве для музейной коллекции получено семь *набелок* от берд ткацкого станка, верхняя часть которых украшена резьбой, чаще всего солнечными розетками. Кросна применяются до сих пор для тканья половиков.

В деревнях верхней Яйвы лен обрабатывали не узкими, а широкими трепалами. На одной их стороне – три солнечные розетки, выполненные трехгранновыемчатой резьбой, вверху – выемка – *кобылка*. Трепало из д.Гашково замыкается стилизованной головой коня с наметками ушей.

Прялки повсеместно называли *прешницей*, *пресницей*, *прясницей*. Эти наименования существовали во многих районах Европейского Севера²⁰. Прялки изготавливались из монолитного куска дерева – еловой *копани*: сидение, или *гузно*, – из корневища, а *стояк* и *лопастка* – из ствола дерева. Такие цельные прялки называются *копыльными*. Они всегда имели широкую лопастку (лопасть), приблизительно 20-25 см в ширину и до 40 см в высоту. Сверху лопастка обычно украшена резьбой в виде круглых или ромбических головок, а в нижних внешних углах – выступами – *сережками*, тоже чаще круглыми или остроугольными.

По бокам имелись зарубки для прочного удержания веревки во время подвязывания кудели, шерсти. Внешняя сторона лопастки украшалась кругами, квадратами, нанесенными архаическим способом – трехгранно-выемчатой резьбой. Встречалась на прялках роспись в виде цветов, иногда с птицами. Боковые стороны столбика-стояка также были резные.

По своей форме, особенно по лопастке, эти прялки близки к северо-двинскому типу прялок, а отличает их только отсутствие сюжетной росписи, характерной для Европейского Севера.

В XX в. появились составные прялки, у которых в сиденье вставлялся столбик токарной работы с широкой лопасткой. Их изготавливали из березы. На лопастке по окрашенному фону рисовали цветы. В цветочной росписи выделяется цветок в виде восьмилепестковой розы, который характерен для прялок мастеров Обвинского края²¹.

Большой удачей для экспедиции явилось приобретение четырех копыльных прялок с необычайно богатым художественным оформлением. Они имеют широкую лопастку – 25-30 см в ширину и 40-45 см в высоту – с сережками по нижним углам и, как правило, с семью головками вверху. С обеих сторон лопастки покрыты трехгранновыемчатой резьбой. На внешней стороне центральной фигурой является солнечная розетка, на двух прялках сверху и снизу от нее вырезано еще по три маленьких розетки. На другой стороне, обращенной во время прядения к женщине, по низу лопасти тоже вырезаны три розетки. Сплошной резьбой покрыта ножка прялки. Из четырех прялок три обладают большим сходством (из с.Верх-Яйва, деревень Ерзовка, Шубино).

Четвертая прялка из с.Верх-Яйва схожа с остальными тремя, но отличается от них художественным оформлением. Эта прялка копыльная, с массивной лопастью, резная, с синей и оранжевой росписью. Лопасть имеет семь головок (одна сломана). Внешняя сторона со сплошной трехгранно-выемчатой резьбой. В середине лопастки изображена солнечная розетка, в центре которой симметрично вырезаны четыре маленькие розетки. Сверху и снизу большую розетку окаймляют маленькие розетки – их

по семь на каждой стороне. Кроме того, на каждой из семи головок вырезаны розетки. Все мелкие розетки заполнены трехгранно-выемчатой резьбой. Четыре розетки в большом круге могли символизировать четыре фазы луны, которые были продолжительностью по семь суток (очевидно, поэтому здесь ярко выражена привязанность к числу «семь»). Ножка прялки тоже резная. Резьба и роспись прялки в целом гармоничны, они подчинены законам ритма и равновесия, что свидетельствует о сохранении очень древних традиций.

По форме, орнаментации и названию все обнаруженные нами четыре прялки очень близки к северо-двинским, аналогичные им можно найти в бассейне притоков Северной Двины – Ваги и Кокшеньги²². По сведениям старожилов, подобные прялки широко бытовали в деревнях верхней Яйвы. Здесь проживали прекрасные резчики по дереву, которые над созданием прялок и трепал трудились со всей душой. Имена некоторых из них сохранились в памяти людей: П.К.Старцев (д.Ерзовка), В.Т.Байбаков (д.Шубино), В.Н.Туснин (д.Осинники).

Заключение

Русское население северо-восточной части Пермского Прикамья формировалось из переселенцев с Европейского Севера. Будучи неотъемлемой частью русского этноса, русские крестьяне предгорий Урала сохраняли русскую народную материальную культуру. Поэтому исследуемый регион в этнографическом отношении является частью общей севернорусской историко-культурной зоны.

Как видно из материалов, полученных в экспедициях, наблюдалась общность материальной культуры русских в обоих районах изучения. Но в верховьях р.Глухая Вильва материальная культура отличается архаичностью и традиционностью. Причиной этого является удаленность района от торговых путей и экономических центров, а также приверженность населения старообрядческой вере. Здесь же скрестились черты коми-язвинской и русской культуры. Но длительное сосуществование двух народов обеспечило преобладание в трудовых навыках, материальной культуре и быте преимущественно черт севернорусской

культуры. Контакты двух народов привели к этносмешению и растворению коми-язвинцев в русской среде.

На верхней Яйве русские встретились с манси (*вогулами*), а позднее – с коми-пермяками (деревни Исанка и Степановка). Данные материальной культуры свидетельствуют о том, что характер занятий, жилища, одежды и быта манси испытывал сильное влияние русской культуры, так как уровень ее был высоким и соответствовал оседлому образу жизни, к которому они переходили. К тому же отмечалась ассимиляция манси на этапе первоначального заселения русскими верховьев Яйвы. Культура коми-пермяков оказалась изолированной, а слияния коми-пермяков и русских в один народ не произошло.

В целом изучение русского населения северо-восточного Прикамья позволяет составить целостное представление об общих закономерностях этнокультурного развития одного из ареалов русских старожилов, возникшего в эпоху расширения русской этнической территории на востоке Российского государства. Этнографический материал дает возможность восполнить некоторые пробелы в описании традиционной культуры русского населения и по-новому подойти к решению ряда вопросов его этнокультурного развития.

Примечания

¹ Чагин Г.Н. Русские старожилы Северного Прикамья (по материалам Ворцеской этнографической экспедиции) // Исследования по истории Урала. Пермь, 2005. С.52-82.

² Маковецкий И.В. Памятники народного зодчества Русского Севера. М., 1955; *Он же*. Архитектура русского народного жилища: Север и Верхнее Поволжье. М., 1962.

³ Бежкович А.С. и др. Хозяйство и быт русских крестьян. М., 1959.

⁴ Поздеева И.В. Комплексные археографические экспедиции: цели, методика, принципы организации // История СССР. 1978. №2. С.103-115.

⁵ Публикацию коллекции см.: Народное искусство Соликамского края: каталог выставки / сост. Е.Я.Золотарева, Г.Н.Чагин. Соликамск, 1981; Народная роспись по дереву / с ост. В.А.Барадулин. Пермь, 1987. С.155-165.

⁶ РГАДА. Ф.1209, кн. 442, л.205-207.

⁷ Там же. Ф.350, оп.2, д.3307, л.353.

⁸ ГАПО. Ф.111, оп.1, д.2226.

⁹ Там же.

¹⁰ Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263 г. по 1881 г.: Третий период с 1645-1676 г. Пермь, 1884. С.1087.

¹¹ *Байдин В.И.* Начальный период истории верхне-уральских скитов (к вопросу о распространении староверия среди финно-угров) // Чердын и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С.195-200; *Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1263 г. по 1881 г.: Пятый период, часть вторая с 1696–1701 г. Пермь, 1887. С.495-496.

¹² *Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1263 г. по 1881 г.: Пятый период... С.497-506.

¹³ *Прот. П. К-в.* Освящение вновь построенной Пармской Надеждинской церкви Соликамского уезда // Перм. Епарх. ведомости. 1911. №12. С.179-181.

¹⁴ *Чагин Г.Н.* На земле Артемия Бабинова // Верхотурский край в истории России. Екатеринбург. 1997. С.30-37.

¹⁵ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.;Л., 1937. Т.I. С.450.

¹⁶ *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Пермь, 1889. Вып.I. С.94-95.

¹⁷ *Чагин Г.Н.* Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь, 2004. С.97-98.

¹⁸ ГАПО. Ф.111, оп.2, д.2226.

¹⁹ *Маковецкий И.В.* Архитектура русского народного жилища... С.184.

²⁰ *Круглова О.* Русская народная резьба и роспись по дереву. М., 1974. С.11.

²¹ *Барадулин В.А.* Обвинская роза: Крестьянские росписи Прикамья второй половины XIX – начала XX столетия // Сб. тр. Науч.-иссл. ин-та худож. промышленности. М., 1973. Вып.7. С.119-138; Народная роспись по дереву. С.30-31, 122-131.

²² *Круглова О.* Русская народная резьба и роспись по дереву..., С.203-205; *Чекалов А.К.* По реке Кокшеньге: Тарногский район Вологодской области. М., 1973. С.59-86-89.

THE MATERIAL CULTURE OF RUSSIAN POPULATION OF NOTHERN-EASTERN PRIKAMIE AT THE END OF XIX – MIDDLE OF XX CENTURY

G.N. Chagin

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva st, 15

Based on the results of expedition investigations, the formation, economical and cultural development of Russian population of unique territory of Prikamie are examined, also the usage of results of investigations as the source of deciding problems of ethnical history of the Urals and surrounding territories are substantiated.